

DOI: 10.58168/ MPFSSC2025_205-212

УДК 821.161.1

**НИКОЛАЙ РОСТОВ В ВОЕННОМ ГОСПИТАЛЕ:
МИАЗМЫ ТИФА И ТЩЕСЛАВИЯ
NIKOLAI ROSTOV IN A MILITARY HOSPITAL:
MIASMA OF TYPHUS AND VANITY**

Волвенкин М.Н., ассистентФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет им. Г.Ф.
Морозова», Воронеж, Россия**Volvenkin M.N.**, assistantVoronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: В тезисах анализируется сцена посещения военного госпиталя Николаем Ростовым в романе Льва Толстого «Война и мир». Выявляется специфика госпитального пространства, состоящего из солдатских и офицерских палат. При этом особое внимание уделяется рассмотрению тифа и тщеславия – двух параллельно протекающих в этом пространстве заболеваний. На основе медицинских представлений XIX в. о миазмах, а также миметической теории Рене Жирара изучается логика воплощения и функционирования этих недугов.

Abstract: The thesis analyzes the scene of Nikolai Rostov's visit to a military hospital in Leo Tolstoy's novel War and Peace. The specifics of the hospital space, consisting of soldiers' and officers' wards, are revealed. Particular attention is paid to the consideration of typhus and vanity – two diseases occurring in parallel in this space. Based on the medical concepts of the 19th century about miasmas, as well as the mimetic theory of René Girard, the logic of the embodiment and functioning of these ailments is studied.

Ключевые слова: медицинский дискурс, болезнь в литературе, тиф, тщеславие, миметическая теория, миазм, Лев Толстой, Рене Жирар.

Keywords: medical discourse, disease in literature, typhus, vanity, mimetic theory, miasma, Leo Tolstoy, René Girard.

После Фридландского сражения Николай Ростов отправляется в госпиталь к Денисову, раненному в «мякоть верхней части ноги» во время рекогносцировки. Это лечебное заведение находится в «маленьком прусском местечке», дважды разоренном русской и французской армией и представляющем «мрачное зрелище»: «Именно потому, что это было летом, когда в поле было так хорошо, местечко это с своими разломанными крышами и заборами, загаженными улицами, оборванными жителями и пьяными или больными солдатами, бродившими по нем, представляло особенно мрачное зрелище» [5, с. 133]. Главными признаками «местечка» являются разорение, разруха и беспорядок, являющиеся неизбежными последствиями войны. «Особенно мрачным» его делает время, «когда в поле так хорошо»: в

этом локусе на фоне дышащей здоровьем, наполненной жизненной силой природы отчетливо проявляются симптомы недуга. Само здание госпиталя соответствует общему виду «местечка»: каменный дом с частично выбитыми рамами и стеклами, вокруг которого валяются остатки забора и сидят «бледные и опухшие» солдаты.

По мере продвижения вглубь госпитального пространства черты «зрелища» меняются. Появляется запах, усиливающийся вследствие приближения к сердцевине: «Как только Ростов вошел в двери дома, его обхватил запах гниющего тела и больницы» [5, с. 133]. В коридоре он буквально заставляет Николая остановиться: герой хватается за нос и некоторое время приходит в себя. Место, источающее ужасный запах «мертвого тела», – солдатские палаты. Толстой описывает их так: «В длинной комнате, ярко освещенной солнцем в большие окна, в два ряда, головами к стенам и оставляя проход по середине, лежали больные и раненые. Большая часть из них были в забытьи и не обратили внимания на вошедших. Те, которые были в памяти, все приподнялись или подняли свои худые, желтые лица, и все с одним и тем же выражением надежды на помощь, упрека и зависти к чужому здоровью, не спуская глаз, смотрели на Ростова» [5, с. 134-135]. Разрушение строений, того, что было создано человеком, продолжает разрушение самого человека (гниение тел, забытье). Интересно, что в тексте в обоих случаях присутствует другой полюс: «изувеченному» «местечку» противопоставлено поле, а раненым и больным здоровый Ростов. Здоровье возмутительно, потому что оно больше не норма. Толстой, идеализирующий растительную жизнь, особенно восхищается способностью растений умирать спокойно, открывая дорогу новому рождению, как это было в «Трех смертях». Госпиталь – пространство смерти, не дающее дорогу новой жизни.

Об этом говорит Ростову военный русский доктор еще при входе в госпиталь: «– Вы зачем, ваше благородие? – сказал доктор. – Вы зачем? Или пуля вас не брала, так вы тифу набраться хотите? Тут, батюшка, дом прокаженных.

– Отчего? – спросил Ростов.

– Тиф, батюшка. Кто ни взойдет – смерть. Только мы двое с Макеевым (он указал на фельдшера) тут треплемся. Тут уж нашего брата докторов человек пять перемерло. Как поступит новенький, через недельку готов, – с видимым удовольствием сказал доктор. – Прусских докторов вызывали, так не любят союзники-то наши» (курсив наш. – В.М.) [5, с. 133]. Нужно отметить, что тиф (typhus) в начале XIX в. называли «гнилой горячкой». В качестве примера приведем отрывок из работы доктора Я.В. Виллие, занимавшегося, в частности, организацией военной медицины в России, «О желтой американской горячке» (1805): «Заразы суть двухъ родовъ между собою весьма различныхъ. Первый родъ заключаетъ въ себѣ заразительныя болѣзни отъ повсемственныхъ повѣтрій раждающіяся, которыя черезъ извѣстное время свирѣпствуютъ, а потомъ, по уничтоженіи причинъ имъ споспѣшествующихъ, утихаютъ совершенно... Сюда вообще относятся гнилыя горячки, называемыя въ особенностяхъ тюремными, гошпитальными, корабельными, которыя зараждаются либо отъ вредоносныхъ испареній болотистыхъ водъ; либо отъ весьма стѣсненнаго въ малыхъ покояхъ или хижинахъ народа» [2, с. 57-58]. Под «гнилой горячкой» подразумевается собирательное название ряда заразных («повальных») заболеваний, этиология которых до

появления и утверждения к концу XIX в. микробной теории объяснялась существованием миазмов, особых пахучих веществ, отравляющих организм при вдыхании. Виллие, отметим, слово миазм не употребляет. Вместо него он пишет о «недыхательных гасах» («водотворном», «удушливом» и «угольной кислоты»), появляющихся вследствие брожения растений и гниения животных. При этом вредны и «испарения», исходящие от больных и здоровых людей: организм забирает полезные вещества и «извергает» вредные, потому «рассадником» «гнилой горячки» становятся госпитали, тюрьмы и корабли.

В России второй половины XIX в. теория миазмов еще жива. В научно-популярном издании доктора П.В. Андреевского (Ландсберга) «Как предохранить себя от тифа. Тиф и тифоиды. Пятнистый и кишечный тиф; возвратная горячка; желчный тифоид; холерный и скарлатинный тифоиды. Их происхождение, распознавание, предохранение и лечение» (1878) почти дословно повторяются отмеченные нами положения из работы Виллие с той небольшой поправкой, что «гнилая горячка» в ней названа «тифом», а «гасы» – «миазмами». Очевидно, что Толстой не мог не знать об этом заболевании и само слово, возможно, использовал по памяти о событиях в Севастополе, где сыпной тиф был заметной проблемой в атакующей и обороняющейся армиях. Подчеркнем, что аспект заражения в черновиках был выражен отчетливее, кроме процитированной фразы доктор после объяснения Ростовым цели посещения госпиталя добавлял: «– Тут, батюшка, раненых нету, у нас хоть и *раненый, сейчас тифозным делается*, да и не знаешь всех. Ведь вы подумайте, у меня на одного три гошпиталя, четыреста больных с лишним. Я отчисляю в умершие, за этим дело у нас не стоит, тиф помогает, а мне всё новеньких присылают. Ведь четыреста есть, а? – обратился он к фельдшеру» (курсив наш. – В.М.) [6, с. 636]. Раненый, попадая в палаты, находясь там длительное время, не может не заразиться тифом, а это значит, что он практически обречен на смерть. То, что не довершилось в сражениях, довершается в госпитале.

В черновом варианте ужас, увиденный Ростовым в солдатских палатах, был выписан менее отчетливо. Поначалу Толстой уделил описанию пациентов, их быта всего три предложения. Причем он не концентрировался на ком-то конкретно: «Одни умирали, только хрипением показывая признаки жизни, другие метались в жару, толкая друг друга, третьи слабыми, горячечными глазами смотрели на проходящего мимо их здорового, свежего и чистого человека» [6, с. 636]. Однако позже вся сцена в госпитале была значительно переработана: само слово «ужас», упоминавшееся в черновой версии, было убрано, а авторское внимание полностью сконцентрировалось на «диалектике души» героя, особую роль при этом стал играть запах гниения, «запах мертвого тела», красной нитью проходящий через всю главу (том второй, часть вторая, глава XVII). Врачи-современники Толстого говорили бы здесь о миазмах. Военный русский доктор предостерегает Ростова, неоднократно напоминая ему об угрозе заражения. Физически Николаю удастся избежать его избежать. Но запах преследует, напоминая о себе во время торжества в Тильзите так, что герой оглядывается в поисках его источника.

В заполненной больными и ранеными палате Ростов обращает особое внимание на находящегося при смерти казака и молодого солдата, лицо которого уже покрыто восковой

бледностью. Вообще Толстой склонен подробно описывать состояния человека на границе между жизнью и смертью или (и) сразу после смерти. Причем в фокусе находится и сам умирающий, и тот, кто наблюдает «великое зрелище», сиюсь понять его значение. В казаке Толстой подчеркивает внутреннее напряжение: багрово-красное лицо, закаченные глаза, еще красные руки и ноги, на которых «жилы напряжились как веревки». Глаза его не обращены в мир, а направлены в себя, туда, где что-то вот-вот разорвется, лопнет. Молодой солдат также «с закаченными под веки глазами» уже лишен всякого напряжения. Все эти изменения, наблюдаемые в теле, непроницаемы для наблюдателя. Мертвый среди живых не только, источая миазмы, заражает окружающих тифом. Совершенно не в телесном плане заразительно небытие. Следы такого «заражения» есть, к примеру, в докторе, «с видимым удовольствием», рассказывающим Ростову о царящей в госпитале смерти.

Насмотревшись ужасов в солдатских палатах, Николай Ростов, наконец, попадает в офицерские. Обстановка здесь отличается: нет мертвых тел; пациенты лежат не на полу, а на кроватях; в одной из комнат слышен смех. Хотя остаются и общие признаки госпиталя: героя встречает «худой человек без руки» (Тушин), в лице Денисова есть «бледная опухлость», свойственная всем «госпитальным лицам». Впрочем, здесь Толстой фокусируется не столько на обстановке, сколько на самом Денисове.

В госпитале он сильно изменился. И дело не в ране, которая была «ничтожной». В нем происходит какое-то внутреннее нарушение, симптоматично проявляющееся в поведении, а особенно — в мимике, голосе и интонации: «...Ростов с грустью заметил, как с этою привычною развязностью и оживленностью *какое-то новое дурное, затаенное чувство* проглядывало в выражении лица, в интонациях и словах Денисова» (курсив наш. — В.М.); «Но не это поразило Ростова; его поразило то, что Денисов как будто *не рад был ему и неестественно ему улыбался*» (курсив наш. — В.М.); «... сказал Денисов *голосом*, которому он хотел придать прежнюю энергию и горячность, но который *звучал бесполезною раздражительностью*» (курсив наш. — В.М.) [5, с. 137]; «Он не договорил и *улыбнулся болезненно-фальшивою улыбкой*» (курсив наш. — В.М.) [5, с. 138].

В этой неестественности, фальшивости, в попытках вести себя как прежде раскрывается неспособность Денисова быть собой. При этом он заикливается на себе: «Ростов заметил даже, что Денисову неприятно было, когда ему напоминали о полке и вообще о той, другой, вольной жизни, которая шла вне госпиталя» [5, с. 137]. Жизнь полка, «общий ход дела», недавно прошедшее Фридландское сражение его не интересуют. Более того — Ростову кажется, что Денисов «старается забыть» все это. Похожие изменения наблюдались в героях «Севастопольских рассказов», зараженных тщеславием: их предельная фиксация на себе есть одновременно утрата себя в чужом желании, утрата подлинного бытия. Смерть от ранения и болезни, которая проявляется в увечьях и «запахе мертвого тела», идет нога в ногу с фальшивой жизнью.

Денисова крайне беспокоит «дело с провиантскими чиновниками». К апрелю 1807 г. из Павлоградского полка выбывает почти половина личного состава из-за голода и болезней и только двое вследствие ранений. Отступление по уже разоренным землям, невозможность

доставки провианта по «непроездным» дорогам и само качество провианта вынуждают голодных солдат питаться корнем «похожего на спаржу растения», который они называют «сладкий машин корень». Весной же в полку появляется новая болезнь – «опухоль рук, ног и лица». Медики видят в «машкином корне» причину болезни и запрещают его, но запрет никак не действует на солдат. Неравнодушный к страданиям подчиненных (к тому же вспыльчивый) ротмистр после очередного известия о нарушении приказа решает проблему радикально, отбив с гусарами провиант, предназначенный для пехотного полка. Однако само это происшествие внутренне Денисова не меняет.

Его поступок мотивирован не соперничеством, о чем свидетельствует его поездка в штаб с целью «уладить дело». Выходя из землянки, он говорит: «– Суди меня там бог и великий государь!» [5, с. 129]. «Бог» и «великий государь» являются для него образцами. Для него и почти для всех военнослужащих. Лучше всего об этом скажет Николай Ростов на празднике в Тильзите: «– Мы не чиновники дипломатические, а *мы солдаты и больше ничего*, – продолжал он. – *Умирать велят нам – так умирать. А коли наказывают, так значит – виноват; не нам судить.* Угодно государю императору признать Бонапарте императором и заключить с ним союз – значит так надо. *А то, коли бы мы стали обо всем судить да рассуждать, так этак ничего святого не останется. Этак мы скажем, что ни Бога нет, ничего нет*, – ударяя по столу кричал Николай, весьма некстати, по понятиям своих собеседников, но весьма последовательно по ходу своих мыслей» (курсив наш. – В.М.) [5, с. 151]. Дистанция между «богом» и «великим государем» и «солдатами» непреодолимая. Это образцы, о которых принято говорить открыто. В них сосредоточены лучшие качества в высшей их степени. Перед тем, как передать прошение Денисова о помиловании императору, Николай думает так: «Он всё понимает, всё знает. Кто же может быть справедливее и великодушнее его?» [5, с. 143]. Взгляд государя, как-то кажется Ростову, источает свет. Обращаясь к терминологии Рене Жирара, можно с уверенностью утверждать, что все это типичные черты внешней медиации, при которой медиатор, являющийся образцом поведения, находится от героя на недостижимой (в духовном плане) дистанции.

Денисов здоров ровно до того момента, как он встречает на своем пути Телянина, служащего в это время комиссионером. Именно здесь происходит заражение и переключение медиации с внешней на внутреннюю, предполагающую значительное сближение медиатора и субъекта, в котором подражание не приносит славы, побуждая к скрытию акта медиации. Вопрос чести не существенен, пока не произошла эта перемена. Как только медиатор оказывается в достижимом в духовном плане, начинается соперничество, в котором «Я» испытывает заразительное влияние «Другого».

О Телянине в романе говорится мало. В 1805 г. он служил в одном эскадроне с Денисовым и Ростовым. Перед походом его «за что-то перевели из гвардии». Характерной его чертой является то, что он никому не нравится, его присутствие невольно вызывает отвращение: «Он держал себя очень хорошо в полку; но *его не любили*, и в особенности *Ростов не мог ни преодолеть, ни скрывать своего беспричинного отвращения к этому офицеру*» (курсив наш. – В.М.) [4, с. 157]; «Увидав Ростова, *Денисов сморщился* и, указывая через плечо

большим пальцем в комнату, в которой сидел Телянин, *поморщился и с отвращением тряхнулся*» (курсив наш. – В.М.); «“Бывают же такие противные лица”, подумал Ростов, входя в комнату» [4, с. 158]. Можно сказать, что Телянин, подобно мертвому телу, лежащему в солдатских палатах, источает миазмы, отравляющие окружающих. Красноречива его частая смена мест службы: от этой «заразы» все стараются избавиться. Внутренняя медиация развивается подобно эпидемии, а потому разумно обезопасить себя от столь заразного субъекта.

Телянин – человек патологически алчный. Он продает Ростову лошадь за 700 рублей, хотя она «не стоит и половины этой цены». Его исключение из Павлоградского полка связано с кражей кошелька Денисова, а сам поступок охарактеризован как «болезнь»: «– Ну, ваша воля, – сказал штаб-ротмистр. – Что же, мерзавец-то этот куда делся? – спросил он у Денисова.

– Сказался больным, завтра велено приказом исключить, – проговорил Денисов.

– Это болезнь, иначе нельзя объяснить, – сказал штаб-ротмистр.

– Уж там болезнь не болезнь, а не попадайся он мне на глаза – убью! – кровожадно прокричал Денисов» [4, с. 165].

Как «работает» эта болезнь, подробно не описано, но есть небольшие симптомы, помогающие понять механизм. Дело в том, что Телянин не просто ворует, но делает это так, что Ростов, спрятавший по просьбе Денисова кошелек под подушку, невольно попадает под подозрение. Лакей Лаврушка даже предлагает Николаю «посмотреть в карманах», объясняя произошедшее забывчивостью юнкера. Кошелек найти не удастся. Взгляды падают на того, кто последний раз держал его в руках. Особенно красноречив взгляд эскадронного командира: «Ростов почувствовав на себе взгляд Денисова, поднял глаза и в то же мгновение опустил их. Вся кровь его, бывшая запертою где-то ниже горда, хлынула ему в лицо и глаза. Он не мог перевести дыхание» [4, с. 159]. Ростова задевает не акт воровства, с которым Денисов должен был бы разбираться самостоятельно, ведь кошелек принадлежал ему, а подозрения. Именно поэтому Ростов, выведя Телянина на чистую воду, не забирает деньги, а идет к полковому командиру, чтоб доложить об «этой пакости».

Телятин, будучи алчным, стремится выглядеть хорошо на людях. То неприятное, что чувствуют в нем другие не сама алчность, а желание казаться лучше. Та болезнь, миазмы которой он источает, – тщеславие. Ростов, еще недавно исполненный чувства любви ко всему и всем, радостно кричащий: «Und Vivat die ganze Welt», – вступив с ним в соперничество, испытывает его влияние. Поведение юнкера аналогично поведению Денисова в госпитале. Он замыкается на себе, из-за чего завязывается конфликт уже не только с самим Теляниным, ставшим для него медиатором, но и Богданыхем (полковым командиром). Воровство в полку, ставшее делом публичным, «осрамит весь полк» и, нужно полагать, самого командира. Поэтому он, испытав влияние «заразы», обвиняет Ростова во лжи и тут же слышит ответное обвинение.

В следующий раз они встречаются во время отступления русских войск через реку Энс. Николай Ростов лишен спокойствия, постоянно оглядывается, чувствуя на себе взгляд полкового командира. Он озабочен желанием выглядеть лучше в его глазах: «Ростову то

казалось, что Богданыч только притворяется невнимательным, и что *вся цель его теперь состоит в том, чтобы испытать храбрость юнкера*, и он выпрямлялся и весело оглядывался; то ему казалось, что *Богданыч нарочно едет близко, чтобы показать Ростову свою храбрость*. То ему думалось, что враг его теперь нарочно пошлет эскадрон в отчаянную атаку, чтобы наказать его, Ростова. То думалось, что *после атаки он подойдет к нему и великодушно протянет ему, раненому, руку примирения*» (курсив наш. – В.М.) [4, с. 175]. Любопытно, что возможность примирения юнкер представляет себе лишь в случае ранения, которое всем доказало бы его храбрость.

Однако все происходит наоборот: ранение доказывает тщету славы храбреца. Неожиданное падение и стон гусара, находившегося рядом с еще не бывавшим под обстрелами Ростовым, действует как лекарство от тщеславия и заставляет перевести взгляд от Богданыча к Дунаю и небу. Герой, вновь чувствуя в себе любовь «к солнцу и жизни» и одновременно переживая «страх смерти и носилок», шепчет молитву.

Во время Шенграбенского сражения Николая ранят в руку. Примечательно, что ранение в его сне оказывается неразрывно связано с «историей с Теляниным и Богданычем»: «Вся эта история была одно и то же, что́ этот солдат с резким голосом, и эта-то вся история и этот-то солдат так мучительно, неотступно держали, давили и все в одну сторону тянули его руку. Он пытался устраниваться от них, но они не отпускали ни на волос, ни на секунду его плечо. Оно бы не болело, оно было бы здорово, ежели б они не тянули его; но нельзя было избавиться от них» [4, с. 242]. Тщеславие заставляет жить не своей жизнью. Война отнимает руку. Все это сливается во сне Ростова в «одно». Подобным образом Толстой совмещает сцены в солдатских и офицерских палатах госпиталя. «Кричащая» телесность отрезвляет.

К слову, Денисову, только вернувшемуся из штаба, где произошел скандал с Теляниным, не удастся ничего произнести (кроме «непонятных ругательств и угроз») до тех пор, пока вызванный Ростовым полковой лекарь не применяет кровопускание: «Глубокая тарелка черной крови вышла из мохнатой руки Денисова, и тогда только он был в состоянии рассказать всё, что́ с ним было» [5, с. 131]. Такая мера позволяет герою рассказать, что с ним произошло, но, конечно, не сменить медиатора и полностью излечиться. Он мучается «делом с провиантскими чиновниками», в частности, потому, что поступает в госпиталь с «ничтожной раной» и находится в офицерских палатах, а не в ужасающих солдатских.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреевский П.В. Как предохранить себя от тифа. Тиф и тифоиды. Пятнистый и кишечный тиф; возвратная горячка; желчный тифоид; холерный и scarlatinный тифоиды. Их происхождение, распознавание, предохранение и лечение. – Москва: Д.И. Преснов, 1878. – 96 с.
2. Виллие Я.В. О Желтой американской горячке. – Во граде С. Петра: Медицинская Типография, 1805. – 161 с.
3. Жирар Р. Ложь романтизма и правда романа / пер. с франц. А. Зигмонта, 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 352 с.

4. Толстой Л.Н. Война и мир. Том первый // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. («Юбилейное»): в 90 т. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1937. – Т. 9. – 519 с.

5. Толстой Л.Н. Война и мир. Том второй // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. («Юбилейное»): в 90 т. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1938. – Т. 10. – 432 с.

6. Толстой Л.Н. Война и мир. Черновые редакции и варианты // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. («Юбилейное»): в 90 т. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1949. – Т. 13. – 883 с.

7. Чигарева Н.Г. Сыпной тиф эпидемический – болезнь войны, разрухи, нищеты // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. – 2022. – № 1-2. – С. 150-153.

REFERENCES

1. Andreevsky P.V. How to protect yourself from typhus. Typhus and typhoids. Spotted and intestinal typhus; relapsing fever; bilious typhoid; cholera and scarlet typhoids. Their origin, recognition, prevention and treatment. – Moscow: D. I. Presnov, 1878. – 96 p.

2. Willie Ya.V. About American Yellow Tremendous. – In the city of St. Petra: Medical Printing House, 1805. – 161 p.

3. Girard R. The Lie of Romanticism and the Truth of the Novel / R. Girard; trans. from French. A. Zygmunt, 2nd ed. – Moscow: New Literary Review, 2021. – 352 p.

4. Tolstoy L N. War and Peace. Volume One // Complete Collected Works (“Jubilee”): in 90 volumes. – Moscow: State Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1937. – Vol. 9. – 519 p.

5. Tolstoy L.N. War and Peace. Volume Two // Complete Collected Works (“Jubilee”): in 90 volumes. – Moscow: State Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1938. – Vol. 10. – 432 p.

6. Tolstoy L.N. War and Peace. Rough Editions and Versions // Complete Collected Works (“Jubilee”): in 90 volumes. – Moscow: State Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1949. – Vol. 13. – 883 p.

7. Chigareva N.G. Epidemic typhus – a disease of war, devastation, poverty // Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N. A. Semashko. – 2022. – No. 1-2. – P. 150–153.